

Сергей Орлов

После последнего подхода

Сергей Орлов

После последнего подхода

<https://litres.ru/74574148>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода Лена возвращается в спортзал с семьёю оставшимися посещениями и привычкой ставить чужие желания выше собственных. Она не ищет любви — ей бы справиться с работой, воспитанием сына и жизнью, которую теперь приходится собирать заново.

Тренер Андрей умеет помогать другим, но не может одним разговором вернуть доверие своей пятнадцатилетней дочери. Когда в сети появляется видео его давнего срыва, прошлое перестаёт быть тем, о чём можно молчать.

Их сближение начинается с неловких встреч и маленьких забот. Но у каждого есть ребёнок, бывшая семья и причины отступить именно тогда, когда становится по-настоящему близко. Можно ли выбрать друг друга, не потеряв себя — и не потребовав от любви исправить всю жизнь?

Содержание

Глава 1. Семь посещений	4
Глава 2. Чужой размер	11
Глава 3. Чужая полоса	19
Глава 4. До закрытия	25
Глава 5. То, что остаётся за кадром	33
Глава 6. Без обещания	42
Глава 7. Разница в цене	50
Глава 8. Столик на троих	56
Глава 9. Общая фотография	64
Глава 10. Другой Андрей	68
Глава 11. Свой вес	74
Глава 12. В кадре	79
Глава 13. Один свободный стул	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сергей Орлов

После последнего подхода

Глава 1. Семь посещений

Абонемент действовал ещё двадцать семь дней. Семь посещений, сказала девушка за стойкой, и повернула монитор, словно на экране находилось доказательство преступления.

— Продлить можно сегодня со скидкой.

Лена смотрела на собственную фотографию. Её сделали три года назад при слишком ярком освещении. Тогда она ещё носила чёлку и обручальное кольцо, которое не снимала даже на тренировках. На маленьком прямоугольнике справа от имени замужняя Лена продолжала куда-то ходить.

— Мне пока хватит этих семи.

— Понадобится приложение. У вас установлено?

Приложение у неё было. Не было пароля, прежней фамилии в паспорте и уверенности, что она умеет существовать в помещении, где люди добровольно рассматривают себя в зеркалах.

Девушка взяла телефон, но Лена не отпустила его сразу.

— Я сама. Скажите, куда нажать.

Администратор подняла глаза. Раздражения в них не было, только рабочая усталость.

— Вот здесь. «Восстановить доступ».

Письмо пришло почти немедленно. Новый пароль Лена придумала наугад, ввела дважды и убрала телефон в карман. За турникетом пахло кофе, резиной и тем сладковатым средством для пола, которое не выветривалось из спортивных клубов никогда. По лестнице спускался мужчина с мокрыми волосами. Он пропустил её вперёд, не сказав ничего, и это оказалось неожиданно удобно: не требовалось быть ни благодарной больше обычного, ни привлекательной.

В раздевалке Лена выбрала шкафчик у стены. Привычка занимать крайнее место сформировалась ещё в школе, где все остальные будто заранее знали, с кем будут сидеть. Она открыла сумку и увидела пакет с детскими сменными носками. Носки принадлежали Мише. Вчера она вытащила их из школьного рюкзака и переложила сюда, потому что сумка стояла ближе мусорного ведра, а дальше что-то случилось и закончить движение она не успела.

Лена оставила пакет на дне. Переоделась в чёрные легинсы, которые купила до развода, и серую футболку, которую купила после: никаких изменений не произошло, кроме того, что теперь за обе вещи платила она сама.

«Ты где?» — написал Игорь.

Она знала, что последует, если ответит: уточнение, почему именно там, с кем Миша и нельзя ли перенести его субботнее плавание. Игорь называл это организационными вопросами. Организация начиналась с того, что Лена должна

была отчитаться о своём месте в пространстве.

«Миша с тобой до девяти. Я приеду домой к девяти», — ответила она.

Три точки появились, исчезли и появились снова.

Лена выключила звук.

Из зала доносилась музыка, которую она не узнавала. Раньше ей нравилось знать названия песен. Это было маленькое доказательство, что жизнь не прошла где-то сбоку: она слышала то же, что и другие, успевала к чему-то привыкнуть. Теперь каждую неделю возникало новое слово, новый сервис, новая песня, а она всё ещё помнила, какие макароны ест её сын и на каком этаже бывший муж поставил запасной пылесос.

Беговые дорожки стояли перед окнами. За стеклом медленно темнело. Лена поднялась на ближайшую, положила телефон в круглое углубление и нажала зелёную кнопку. Дорожка пискнула и осталась неподвижной.

Она нажала ещё раз.

— Нужно выбрать режим, — сказал мужчина справа.

Лена обернулась. На нём была тёмная футболка с небольшим словом «тренер», и в руке он держал планшет. Он стоял достаточно далеко, чтобы ей не пришлось отступать.

— Я помню, — сказала она.

Это было неправдой.

— Хорошо.

Мужчина развернулся к соседней дорожке. Там пожилая

женщина в красной майке складывала полотенце в четыре раза, прежде чем положить его на поручень.

— Андрей, если я сегодня пойду медленнее, вы не расстроитесь?

— Я за скорость дорожек переживаю редко, Нина Павловна. Как спали?

Лена нашла на экране «Быстрый старт». Лента поехала. На мгновение её собственное отражение в тёмном стекле качнулось, как человек, которого толкнули сзади.

Она ходила восемь минут. Потом ещё четыре, потому что двенадцать выглядело больше похожим на тренировку, чем восемь. Рядом Нина Павловна рассказывала тренеру о соседке, которая выбросила чужие рассадные ящики. Андрей задавал вопросы, между которыми помещались дыхание, шаги и настоящий интерес. Он не произносил ни «вам нужно собраться», ни «возраст — это всего лишь цифра».

Лена подумала, что именно так, наверное, выглядело бы хорошее участие: человек помнил, что ты пришла сюда не только ногами.

Эта мысль ей не понравилась. Она выключила дорожку.

В силовой зоне было теснее, чем она помнила. Мужчины переходили от стойки к стойке, девушки снимали подходы на телефоны. Над всем этим в зеркалах висели повторённые движения. Лена хотела сделать три знакомых упражнения, но не могла вспомнить третье. Первые два оказались тоже не вполне знакомыми: у тренажёра для ног изменилась ручка,

а сиденье того, что она называла «для спины», не двигалось.

Она поставила сумку у стены и притворилась, что читает схему на тренажёре.

— Сиденье регулируется педалью снизу.

Это снова был Андрей. На этот раз Лена не стала говорить, что знает.

— Я три года не приходила.

— Тогда могло измениться многое.

— Это вы про сиденье?

Он посмотрел на неё, проверяя, можно ли улыбнуться.

— В первую очередь про сиденье.

Лена неожиданно засмеялась. Смех получился слишком коротким, будто она уронила вещь и успела поймать.

Андрей показал педаль, не касаясь её. Спросил, нужно ли объяснить остальные настройки, и после её кивка объяснил. Он говорил коротко, не превращая инструкцию в лекцию о жизни.

— Какой вес поставить?

— Какой вы делали раньше?

— Не помню.

— Тогда прежний сегодня нам не поможет. Начните с небольшого. Нужно понять движение, а не воспроизвести старую цифру.

Он остался рядом на несколько повторений, потом ушёл к стойке администратора. Лена сделала ещё один подход и решила, что на этом достаточно.

Переодеваясь, она не смотрела в зеркало. В телефоне было шесть сообщений от Игоря. Он уточнял про плавание. Потом про деньги за плавание. Потом прислал фотографию Миши, который сидел на полу и собирал модель автомобиля.

«Всё хорошо», — подписал Игорь.

Она увеличила фотографию. На заднем плане у дивана стояли незнакомые женские туфли.

Лена не думала, что её ещё может задеть обувь. Она знала о женщине, знала её имя и однажды видела её издалека. Но знать, что кто-то существует, и видеть, куда человек поставил ноги, оказалось разным.

Возле выхода Андрей говорил с администратором. Он заметил Лену и слегка кивнул.

— Увидимся.

— Может быть.

— Конечно.

Её «может быть» не заставило его ни уговаривать, ни подбадривать. Лена прошла турникет. На улице шёл мелкий дождь, хотя прогноз обещал сухой вечер. Она достала из сумки носки Миши и сунула пакет поглубже, чтобы не намоч.

Телефон снова вибрировал.

«Ты всё-таки где?»

Лена остановилась под козырьком. Ей захотелось отправить фотографию турникета, дорожки, тренера — доказать, что она не сделала ничего такого, что нужно объяснять. Вме-

сто этого она написала:

«Я на тренировке. В девять буду дома».

Потом стёрла первое предложение и отправила второе.

На остановке она открыла приложение клуба. Осталось шесть посещений.

Глава 2. Чужой размер

В субботу Миша вернулся с новой курткой.

Он показал её в дверях, ещё до того как снял ботинки: ярко-синяя, с серебристой молнией и тёплым капюшоном. В пакете, который Игорь держал двумя пальцами, лежала старая.

— Эта маленькая ему уже, — сказал он.

Лена знала, что старая куртка мала. Она собиралась купить новую после зарплаты, ещё через девять дней.

— Спасибо.

— Не за что. Катя выбрала. Она в этом лучше разбирается.

Миша смотрел то на мать, то на отца. В свои девять лет он уже научился различать слова, после которых нельзя просто уйти в комнату. Лена расстегнула сыну куртку.

— Отличный цвет. Помой руки. Суп готов.

Когда Миша ушёл, Игорь поставил пакет на тумбу. На пакете было название дорогого магазина, в котором Лена последний раз покупала шарф ему же.

— Ты какая-то напряжённая.

— Я нормально.

— Можно ведь просто порадоваться. Ему нравится.

— Я сказала спасибо.

— Я не о благодарности.

Они стояли в узкой прихожей. Вещи здесь принадлежали разным временам: старый коврик, новый дешёвый светильник, вешалка, которую Игорь собирал ещё до рождения Миши. Лена поймала себя на желании предложить кофе. Раньше это значило, что разговор закончен без ссоры. Сейчас значило бы, что он вправе пройти дальше.

— По воскресеньям он с тобой, — сказала она. — Купишь ему плавательную шапочку? Его порвалась.

— Конечно. Ты могла бы сразу написать.

Она могла бы. Не написала именно потому, что сразу за «конечно» почти всегда появлялось объяснение, как нужно было поступить раньше.

Игорь уже взялся за ручку двери, но остановился.

— Ты правда снова ходишь в зал?

— Да.

— Хорошо. Тебе полезно отвлекаться.

Лена почувствовала злость, которую не успела заранее оформить в слова.

— Я не отвлекаюсь.

— Да какая разница, как назвать? Я за тебя рад.

Он ушёл с выражением человека, который попытался сделать хорошее, а ему помешали.

На кухне Миша размешивал суп, не съедая его.

— Мама, а Катя тебе не нравится?

Лена поставила чашку в раковину. Чашка звякнула громче, чем нужно.

— Я её почти не знаю.

— Она куртку купила.

— Папа купил. Она помогла выбрать.

— А. Ну она выбирала.

Сын сказал это без упрёка. Он сообщал устройство мира, как сообщал, что в школе поменяли расписание. Лена села напротив.

— Тебе там спокойно?

— Где?

— У папы.

— Да. Мы машину доделали. Только колесо потерялось, но папа другое нашёл.

Она кивнула. То, что сыну спокойно, было хорошей новостью. Обиднее всего было, что хорошая новость могла одновременно причинять боль.

После обеда Миша ушёл к соседскому мальчику. Лена открыла ноутбук. До понедельника ей нужно было закончить макет каталога: тридцать две страницы строительных смесей, ни одна из которых не обещала лёгкую жизнь. Технические подписи заказчик прислал фотографиями, а фотографии — в мессенджере, где они стояли вперемешку с голосовыми сообщениями «это не окончательный вариант».

Она работала до пяти. Потом поставила чайник и обнаружила, что всё ещё сидит в синей домашней кофте, которую надевала в четверг. Можно было продолжить каталог. Можно было убрать кухню. Можно было дожидаться Миши и по-

просить его показать собранную машину, надеясь не заметить женщину даже в рассказе о колесе.

Лена открыла приложение клуба.

На шесть была свободная вводная тренировка. Бесплатная, входила в абонемент и не списывала отдельного посещения. Тренер: Андрей Ковалёв.

Она нажала «Записаться» прежде, чем успела придумать, почему нельзя.

Через минуту пришло сообщение с подтверждением. Ещё через минуту — звонок.

— Елена? Добрый вечер. Это Андрей из клуба. У вас записана вводная на шесть. Вы были у нас недавно, верно?

— В четверг.

— Понял. Мы можем сначала спокойно обсудить, что вам нужно от занятий. Возьмите обычную форму и воду.

— А вы сейчас будете продавать персональные тренировки?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Если они вам понадобятся, расскажу о стоимости. Вводная от этого не зависит.

— Хорошо.

— До встречи.

Лена положила телефон и почувствовала стыд за вопрос. Затем злость за этот стыд. Она имела право узнать, что ей предлагают, прежде чем услышит удобные слова.

В шесть она сидела напротив Андрея за маленьким сто-

ликом у фитнес-бара. Рядом кто-то взбивал молоко. За стеклянной перегородкой два мужчины спорили, чья очередь пользоваться стойкой.

Андрей развернул к ней лист.

— Что хотите изменить?

Она посмотрела на графы: опыт, цель, ограничения, график.

— Всё.

Он не записал это.

— А если выбрать одну вещь, которую мы здесь действительно можем делать?

— Я хочу снова нормально выглядеть.

— Что для вас значит нормально?

Лена ждала перечисления: вес, талия, процент жира. Он молчал.

— Чтобы не думать об этом каждую минуту, — сказала она наконец.

Андрей опустил ручку.

— Тренировки могут дать опыт, что ваше тело что-то делает, а не только выглядит. Но я не могу обещать, что вы перестанете о нём думать. И не хочу обещать.

Ей стало неприятно. Она уже приготовилась купить ясный ответ, и её будто оставили возле кассы с ненужными деньгами.

— То есть просто походить?

— Начать заниматься по посильному плану. Посмотреть,

как он помещается в вашу неделю. Что вам нравится, что нет. Потом решать дальше.

— У меня семь... Уже шесть посещений.

— На шесть посещений план тоже можно сделать.

Он спросил о перерыве, старых травмах и времени на занятия. Лена отвечала коротко. На вопрос о работе сказала «за компьютером», хотя это скрывало почти всё: ночные дедлайны, заказчиков, которые считали, что дизайнер обязан читать мысли, и вечное сравнение любой новой оплаты с суммой кредита.

Они пошли в зал. Андрей предложил несколько простых движений, просил сказать, если что-то неприятно, и не удивился, когда она отказалась от упражнения на полу.

— Пока не хочу.

— Хорошо. Есть другой вариант.

Он говорил «другой вариант» так, будто отказ не испортил ему занятие.

Возле стойки девушка в белом топе подняла телефон.

— Андрей, стойте секунду. Для сторис.

Лена машинально выпрямилась. Девушка смотрела не на неё.

— Я не в кадр, Вика, — сказал Андрей.

— Там только вы.

— Сегодня не нужно.

Девушка опустила телефон. Лена почувствовала странное облегчение и тут же объяснила его тем, что не хотела ока-

заться на заднем плане.

После занятия Андрей написал ей на листе четыре упражнения. Не названия, которые пришлось бы искать, а номер зоны, положение сиденья и несколько коротких подсказок.

— Этот лист можно сфотографировать. Если тренажёр занят, спросите дежурного. Не обязательно ждать именно меня.

Лена подняла глаза.

— А персональные?

Он достал отдельный прайс. Цена была ощутимой. Восемь занятий стоили больше, чем новая куртка Миши и плавание вместе.

— Сейчас не могу, — сказала она.

— Тогда используйте план самостоятельно. Через несколько посещений можно сверить, что получается.

— Вам так выгодно?

— Вам должно быть понятно, что вы покупаете. Сегодня вы ничего не покупаете.

Она убрала лист в сумку осторожнее, чем полагалось листу бумаги.

Вечером Миша примерил куртку перед зеркалом и попросил её сфотографировать. Лена сняла три кадра. На одном сын широко улыбался, на другом смотрел в сторону, на третьем его лицо скрывал капюшон.

— Отправь папе тот, где я смеюсь.

Она отправила.

Игорь ответил почти сразу: «Класс! Видишь, размер идеально».

Лена положила телефон экраном вниз. На краю стола лежал тренировочный лист. В графе «цель» Андрей написал её словами: «Возвращение к регулярным занятиям». Не «привести себя в порядок». Не «снова стать прежней».

Она вспомнила, что сама таких слов ему не говорила.

И впервые за день захотела не возразить, а попробовать.

Глава 3. Чужая полоса

В воскресенье Лена пришла на плавание за пятнадцать минут до конца. Игорь написал, что задержится после занятия, нужно ещё обсудить с тренером расписание. Она решила забрать Мишу сама и не ждать лишний час дома.

В коридоре стояли родители. На пластиковых стульях лежали пуховики, у стены мокрые бахилы. Из помещения за стеклом доносился свисток. Лена сняла куртку и узнала женщину, которую раньше видела только издалека.

Катя сидела возле окна. На коленях держала Мишин пакет. Туфли оказались на ней — те самые, с фотографии возле дивана. Только здесь, среди спортивных сумок и чужих детей, они выглядели обычной обувью, а не доказательством, что у бывшего мужа продолжается жизнь.

Катя подняла голову.

— Лена? Здравствуйте.

Она встала. Лена остановилась у свободного стула.

— Здравствуйте. Я за Мишей.

— Игорь пошёл к тренеру. Они сейчас заканчивают.

Обе посмотрели на стекло. За ним по дорожке плыли дети. Лена не сразу нашла сына: в одинаковых шапочках все превращались в голову над водой и две старающиеся руки.

Катя показала.

— Вон, третья дорожка. У бортика.

Лена кивнула. Хотелось сказать, что сама знает, на какой дорожке занимается сын. Она не знала. В прошлый раз группы меняли местами, а она пропустила два занятия из-за работы.

Сели рядом. Между ними остался один свободный стул, на который Катя положила пакет, затем сразу убрала.

— Извините.

— Ничего.

Прошла женщина с телефоном, спросила, не знают ли они, когда выпустят детей. Лена ответила, что скоро. Катя одновременно сказала, что через десять минут. Женщина выбрала более точный ответ и ушла.

В этом не было ничего значительного. Всё равно Лена почувствовала, как раздражается от каждого маленького совпадения, в котором Катя оказывалась человеком, знающим текущую часть жизни её сына.

— Новая шапочка ему подошла? — спросила она, чтобы хотя бы что-то сказать.

— Да. Игорь купил две. Первая слишком давила.

Лена посмотрела на пакет.

— Он говорил про одну.

— Одну вернули. Там без проблем.

Катя замолчала. Слишком бытовой разговор для первой встречи, в которой обе старались не задеть ни одного провода.

У бортика Миша поднял голову. Увидел мать, помахал,

потом заметил Катю и помахал ей тоже. Оба жеста были одинаковыми. Лена знала, что ей должно быть приятно: сын не обязан выбирать, кому принадлежит улыбка. Но плечи всё равно напряглись.

Появился Игорь. Увидел обеих, замедлил шаг, как человек, который заранее рассчитывал, что двери в его жизни будут открываться по очереди.

— Ты рано, — сказал он Лене.

— Решила забрать сама.

— Я бы привёз.

— Я уже здесь.

Он кивнул. Затем посмотрел на Катю.

— Нам с тренером ещё пять минут. Ты подождёшь?

— Да.

Она ответила спокойно. Не объясняла, что приехала вместе с ним, не спрашивала Лену, нужно ли уйти. Игорь вернулся к двери.

Детей выпустили через семь минут. Миша выскочил в коридор, ещё не до конца застегнув куртку. В руках держал мокрое полотенце.

— Мам, я без доски проплыл. Целую дорожку.

Лена присела, помогла придержать полотенце.

— Видела конец. Здорово.

— Катя весь раз видела. Мы ей показывали.

Он повернулся ко второй женщине.

— Ты сняла?

Катя достала телефон.

— Только кусочек, когда тренер разрешил.

Лена уже приготовилась возразить про съёмку детей, но услышала последние слова. Разрешение было. Сын хотел записать. Бороться приходилось не с действием, а с собственным местом в нём.

Миша стоял между ними, смотрел экран. На видео он плыл не очень ровно, но без доски. В конце хватался за бортик и поворачивал голову к стеклу.

— Отправь маме, — сказал он.

Катя подняла глаза.

— Можно ваш номер? Или Игорю пришлю, он перешлёт.

Лена назвала номер. Быстро, пока не решила, что так делает отношения слишком нормальными.

Пришло сообщение, затем видео. Она сохранила.

Игорь вышел следом с тренером. Тот поздравил Мишу, сказал, что теперь можно постепенно переходить к другому заданию. Сын кивнул так серьёзно, будто ему предлагали новый пост.

На улице начался дождь. Катя достала зонт. Игорь пошёл за машиной, оставив троих под козырьком.

— Я с мамой поеду, — сказал Миша.

— Конечно, — ответила Катя.

Она не обиделась. По крайней мере, ничем не показала. Лена почувствовала короткое облегчение и ещё один укол стыда: часть её хотела увидеть, что Катя тоже может оказать-

ся лишней.

Пока шли к остановке, сын рассказывал, как сначала боялся отпустить доску, а потом тренер сказал попробовать только половину. Получилась целая. В середине он спросил:

— Тебе Катя нормально?

Лена посмотрела на него.

— Она помогла снять, как ты плывёшь. Я благодарна.

— Я не про это.

Она остановилась у перехода.

— Мне пока непривычно. Но я не сержусь на тебя, если тебе с ней хорошо.

Миша кивнул не сразу.

— Я просто не хочу, чтобы вы из-за меня.

— Мы не из-за тебя. Взрослым бывает трудно договориться, даже когда ребёнок всё делает правильно.

Сын посмотрел на мокрое полотенце, которое она держала в пакете.

— Я его забыл выжать.

— Вот это можно исправить дома.

Он улыбнулся. Дальше говорили про бассейн.

Вечером Лена пересматривала видео. Выключила звук, потом включила снова. За стеклом слышался Катин голос: «Есть, молодец». Он был негромким, искренним, и именно поэтому трудным.

Она написала: «Спасибо за запись».

Ответ пришёл через минуту: «Пожалуйста. Он очень ста-

рался».

Лена не добавила больше ничего. Положила телефон, пошла выжимать полотенце. Рядом с сушилкой лежали те самые сменные носки, которые носила в спортивной сумке. Теперь она наконец убрала их на полку.

Глава 4. До закрытия

В десять пятнадцать управляющая поставила перед Андреем телефон.

— Посмотри.

Он сидел в служебной комнате и ел рис из контейнера. На телефоне девушка с тонкой талией улыбалась поверх надписи «Новая жизнь за восемь недель». Следующий кадр показывал женщину в раздевалке — снятую со спины, в неудачном свете. Снова девушку. Снова женщину. Музыка становилась громче именно на сравнении.

— Это наш ролик?

— Нет. В этом и дело.

Ирина села напротив, не снимая пиджака. Ей было жарко, но пиджак обозначал дистанцию между управлением и залом; снять его означало остаться женщиной, которая устала и тоже хотела домой.

— Конкуренты запускают программу для тех, кто возвращается после перерыва. У нас половина базы таких. Ты умеешь с ними работать. Давай сделаем своё.

Андрей отодвинул контейнер.

— Что именно?

— Восемь недель. Восемь занятий, чат, питание. Упаковка нужна. Первую группу быстро соберём, остальное докрутим по ходу.

— Группу какого размера?

— Двенадцать-пятнадцать. На старте можно десять.

— Индивидуальная работа или общая?

— Андрей, это детали. Ты же понимаешь, что продаём результат.

Он понимал. Четыре года назад он сам с удовольствием произносил это слово. Результат занимал мало места на афише и много места в голове человека, который хотел купить новую жизнь сразу с инструкцией.

Ирина подвинула к нему телефон ближе.

— Ты умеешь делать хорошо. Но люди должны сначала прийти. Им нужен повод.

В этом она была права. Андрей не любил моменты, когда неприятный ему человек говорил правду, потому что тогда нельзя было просто закончить разговор.

— Давай завтра обсудим состав. Не ролик. Состав.

— Завтра у тебя выходной.

— Послезавтра.

— Мне до среды нужно решение. В четверг созвон с собственником.

Ирина убрала телефон и поднялась. В дверях она задержалась.

— Ещё одно. Про твоё заявление на отпуск. Две недели подряд в ноябре не получится. Могу дать одну и три дня в декабре.

— Я написал три месяца назад.

— Я помню. Но нас сейчас четверо. Один на больничном.
Ноябрь — продления.

— Мне нужна поездка, а не календарь продлений.

— Всем что-то нужно.

Она сказала это без злости. Усталость делала её жестокость особенно деловой.

Андрей взял контейнер и выбросил оставшийся рис. Он был не голоден. Или стал не голоден за последние пять минут.

До закрытия оставалось сорок минут. В зале заканчивали тренировку трое. На дальней дорожке мужчина смотрел футбольный матч, держа телефон слишком близко к лицу. Возле стойки девушка пересчитывала диски. Ещё одна посетительница растягивалась на коврике.

Андрей помог девушке убрать диски и обошёл зал. У тренажёра, который показывал Лене, лежала чужая бутылка. Он отнёс её на стойку забытых вещей. Бутылок там было девять, все разных цветов и одинакового одиночества. Их не выбрасывали месяц. Иногда хозяин возвращался через неделю, иногда никогда.

— Ты новенькой план сделал? — спросила Вика.

Она сидела на высоком стуле у фитнес-бара. На ней по-прежнему был белый топ, но поверх появился кардиган. Тренировалась она давно; в клубе её знали даже те, кто не хотел знать никого.

— После вводной.

— Она купила пакет?

— Нет.

— И ты всё равно сделал?

— План был частью вводной.

— Ты хороший, Андрей. Поэтому тебя и используют.

Вика улыбнулась, уверенная, что сделала комплимент. Он поправил стопку чистых полотенец.

— Доброй ночи, Вика. Мы скоро закрываемся.

Она слезла со стула.

— Мне нравится, как ты ставишь границы. Даже когда неприятно.

Андрей не знал, что ответить на это так, чтобы не продолжить разговор, который хотел закончить. На прощание он просто кивнул.

Когда последнего посетителя проводили, Андрей выключил музыку. Тишина не пришла сразу: гудела вентиляция, щёлкало оборудование, сверху катили уборочную тележку. Он собрал свои вещи и наконец открыл сообщение от дочери.

«Пап, ты купил билеты?»

Пятнадцатилетняя Соня жила с матерью в другом городе. Самолёт летел туда полтора часа. От покупки билетов его отделяло не расстояние, а необходимость знать, куда положить всю оставшуюся жизнь на две недели.

Он написал: «Пока нет».

«Тогда не бери. У нас репетиции почти каждый день. Я

всё равно буду занята».

Андрей прочёл сообщение дважды. Оно было устроено так, чтобы ему стало легче. Как почти все её сообщения за последние полгода.

Он набрал номер.

— Привет.

— Привет. Я уже лежу.

— Не спишь?

— Если бы спала, не ответила бы.

В этом была Соня целиком: она училась звучать старше, чем ей было, но пока не могла удержаться от очевидной победы.

— Какие репетиции?

— Я говорила. Спектакль.

— Я помню спектакль. Какая роль?

— Всё ещё Лиза, пап. Роли не меняются каждую неделю.

Он помнил Лизу, но всё равно спросил. Иногда ему казалось, что вопрос способен заменить отсутствие — если спрашивать достаточно часто и достаточно заинтересованно.

— Когда премьера?

— Четырнадцатого. Но ты работаешь.

— Я попробую...

— Не надо «попробую».

Она произнесла это тихо. Андрей остановился возле служебного выхода. За стеклом висело собственное отражение: человек в куртке, которому нечего сказать в ответ на очень

простую просьбу.

— Хорошо. Я узнаю про смены и скажу в среду. Точно.

— Хорошо.

— Мама рядом?

— В ванной.

— Тогда отдыхай. Я люблю тебя.

— Я тоже.

Она закончила разговор первой. Он был за это благодарен, хотя благодарность к дочери за умение не удерживать его выглядела жалко.

На парковке шёл тот же дождь, что в четверг. Андрей сел в машину, но не завёл двигатель. Из бардачка торчал край документа о досрочном погашении кредита. Он сунул бумагу глубже и открыл календарь. На четырнадцатое ноября стояло шесть персональных тренировок. Четыре можно было перенести. Две — сложнее. Самая сложная задача называлась «Ирина» и не имела собственного цветового обозначения.

В рабочем чате появилось сообщение управляющей.

«Для новой программы можно взять твою историю возвращения. Человечно. Людям нужно видеть, что тренер сам проходил трудности».

Андрей положил телефон на соседнее сиденье.

Его история возвращения была не той, которую знали в клубе. В клубе знали про травму, операцию и реабилитацию. Фотография в раздевалке с костылями собирала больше откликов, чем любой тренировочный разбор. Никто не спра-

шивал, почему в альбоме не было фотографий за полтора года до травмы. Он сам выбрал, что рассказывать, и выбор понемногу стал биографией.

Возвращение удобно начинать с момента, в котором тебя можно пожалеть.

Андрей завёл машину. На панели загорелся предупреждающий знак: пора на сервис. Он нажал кнопку, убирая уведомление. Машина продолжала работать, и пока этого было достаточно.

Уже дома он нашёл прайс, который показывал Лене. На его обороте сохранилась карандашная пометка: «Только понятные условия». Он сделал её когда-то сам, готовясь к разговору с новым клиентом, который был уверен, что заплатит за восемь занятий и получит заранее установленную цифру на весах.

Пометка выглядела почти смешной. Ему было легко не обещать лишнего посетителям. Дочери он обещал иначе. Себе — тоже.

Андрей открыл сайт авиакомпании и посмотрел рейсы на тринадцатое ноября. Не купил. Сохранил время вылета в заметки.

Потом написал Соне ещё одно сообщение:

«Я помню, что ты играешь Лизу. Не знал, как начать разговор».

Ответ пришёл через минуту.

«Можно с привет».

Он улыбнулся. По-настоящему, впервые за вечер.

«Привет».

«Привет, пап».

Глава 5. То, что остаётся за кадром

В понедельник заказчик попросил сделать мешок со строительной смесью счастливее.

— Он какой-то тяжёлый, — сказал Павел по видеосвязи.

— Там двадцать пять килограммов.

— Не в этом смысле. Настроение тяжёлое. Нам нужно легче, современнее. Чтобы человек увидел и захотел.

Лена смотрела на белый мешок, в котором не было ни одного органа, способного выражать настроение.

— Может быть, поменяем фон?

— Да, и шрифт. И вот эта серость. У нас все покупатели обычные люди, понимаете? Им хочется радости.

Она записала «фон, шрифт, серость». Рядом с записью поставила время. Если она фиксировала время, становилось немного легче не отвечать то, что хотелось.

— Технические подписи окончательные?

— Практически.

«Практически» означало, что макет изменится ещё трижды.

— Тогда присылайте финальный текст одним документом. После согласования дополнительные правки будем считать отдельно.

Павел откинулся назад. За его головой стоял стеллаж с наградами, про которые он однажды сказал: «Всё заработано».

— Мы же всегда нормально договаривались.

— И сейчас нормально договоримся. Мне нужно понимать объём.

Он помолчал, потом пообещал прислать текст к вечеру. Лена отключила связь и ощутила облегчение, которое обычно появлялось после сдачи проекта, а не после одного предложения. Она хотела сразу позвонить кому-нибудь и рассказать. Не позвонила: рассказ «я назвала свою цену» требовал слишком длинной предыстории.

В половине пятого приехала Даша с двумя стаканами кофе и коробкой пирожных, купленных по дороге со скидкой.

— Им сегодня заканчивается срок. Честно предупреждаю.

— У всех нас что-нибудь заканчивается, — сказала Лена и взяла коробку.

Даша была её подругой ещё с института. Теперь она работала в небольшой студии, где делали рекламные кампании, и умела произносить «проблема решается» даже перед тем, как сообщить нерешаемую проблему.

— Нужен человек на проект. Не стройка. Фитнес.

Лена поставила кофе на стол.

— Очень смешно.

— Это не шутка. Сеть студий запускает новую площадку. Нужны оформление, лендинг и небольшая съёмка. Я тебя предложила.

— Куда именно?

— Пока скажу, когда подтвердят бюджет. Не твой клуб. У вас, кажется, оранжевые карты? Тут другое. Название ещё утверждают.

Лена не знала, почему ей стало легче.

— А почему не ваш дизайнер?

— Наш дизайнер уходит. Точнее, уже ушёл, но пока числится. Если я возьму всё на себя, тоже уйду, и не обязательно ногами.

Даша села на кухонный стул, сняла очки и протёрла их футболкой.

— Мне нужен человек, который скажет «это плохой материал», а не молча принесёт плохой макет. Ты говоришь.

Лена подумала о сегодняшнем мешке.

— Не всегда.

— Достаточно часто.

Цена проекта могла закрыть кредитный платёж за два месяца. Лена представила, как открывает банковское приложение, а там не нужно выбирать, какую сумму отложить и какую снова занять.

— Присылай задачу.

— Пришлю. Сначала оценка. Ничего бесплатно не рисуй. Они любят попросить «один экранчик, посмотреть стиль».

— Я знаю.

— Знаешь и рисуешь.

Это тоже было правдой.

Они ели пирожные, пока шоколад не растаял на картон-

ной подложке. Даша спросила о Мише, о работе и, только после этого, об Игоре.

— Нормально, — сказала Лена. — Он купил куртку.

— Себе?

— Мише.

— Значит, Миша в новой куртке. Это хорошая часть истории.

— А плохая?

— Её ты сейчас сама расскажешь.

Лена не рассказывала. Ей стало смешно от собственной готовности строить обвинение вокруг детского капюшона. Она положила в рот остаток пирожного.

— Я в зал вернулась.

— Ого. Тебе нравится?

— Пока непонятно.

— Тебе не нужно сначала стать человеком, которому нравится зал. Можно ходить человеком, которому непонятно.

Даша сказала это с полным ртом, и поэтому фраза не походила на совет из интернета.

После её ухода Лена закончила две страницы каталога, встретила Мишу из школы и дождалась матери. Мать приехала на час раньше, с контейнером котлет, потому что «всё равно уже приготовила». Миша обрадовался. Лена тоже, хотя вместе с котлетами в квартиру обычно приезжало несколько неназванных обязательств.

— Куда ты опять? — спросила мать, увидев сумку.

— На тренировку.

— Ты не устала? По тебе видно, что устала.

— Устала.

— Тогда полежи. Я с ним посижу.

Лена застегнула молнию.

— Я лучше пойду.

Мать пожала плечами и начала раскладывать котлеты по тарелке. Ей тоже хотелось, чтобы дочь стало легче понять.

В клубе Лена получила ключ от того же шкафчика. Это было случайностью, но она обрадовалась, как будто здесь оставили для неё место.

План она открыла на телефоне. Андрей добавил к упражнениям короткую пометку: «Не торопитесь. Отдых тоже часть занятия». В четверг она приняла бы это за попытку утешить слабого человека. В понедельник пометка оказалась полезной: стало ясно, что делать между подходами, кроме как неловко ждать.

Нужный тренажёр заняла девушка. Лена спросила, сколько осталось, и услышала:

— Один. Можете между мной.

— Я пока не очень умею настраивать.

— Так я покажу. Тут просто.

Они поменяли положение сиденья. Девушка назвала себя Аней, узнала, что Лена вернулась после перерыва, и не спросила ни почему, ни сколько длился перерыв, ни какой вес она хочет сбросить. После своего последнего подхода Аня

убрала полотенце.

— Увидимся.

Слово уже второй раз за несколько дней прозвучало как обычная возможность, а не обещание, за которое придётся отвечать.

Лена занималась сорок минут. На третьем упражнении у неё возникло желание поставить больше веса: прежний не делал её достаточно убедительной. Она потянулась к штырьку, затем посмотрела на лист. До сих пор все решения про нагрузку она принимала по тому, как могла выглядеть со стороны.

Она оставила прежний вес.

Андрей появился, когда она собиралась уйти. Он нёс пустую кружку и разговаривал по телефону. Увидев её, показал пальцем на кружку, затем на часы: дай минуту. Лена кивнула и сразу пожалела, что кивнула. Она не хотела, чтобы её заметно радовало внимание человека, с которым она познакомилась четыре дня назад.

Он закончил разговор и подошёл.

— Получилось разобраться?

— Кажется. Я сиденье смогла настроить без катастрофы.

— Основная квалификация освоена.

— Дальше повышение?

— Дальше повторить, когда забудется.

Они улыбнулись одновременно. Андрей поставил кружку на край стойки и посмотрел на неё, уже собираясь что-то

спросить, но у Лены зазвонил телефон.

Мать.

— Миша показывает домашнее задание, а там ни одной строчки. Вы вообще за уроками следите?

Лена закрыла глаза.

— Я приду через двадцать минут.

— Я не о времени. Ему завтра в школу.

— Я знаю. Мы разберёмся.

На том конце вздохнули и отключились.

Андрей уже чуть отступил. Он не пытался сделать вид, что не слышал, но и не приготовился спрашивать.

— Мне нужно домой, — сказала Лена.

— Конечно. Следующий раз по тому же плану. Если будет вопрос, спросите.

Она хотела уйти именно сейчас, пока разговор оставался простым. Вместо этого спросила:

— Вы всегда тут до закрытия?

— Не всегда.

— А отдыхаете когда?

Он посмотрел на кружку.

— Сегодня собирался.

— И как?

— Неубедительно.

Лена рассмеялась. На этот раз не коротко. Смеяться над человеком, который мог бы учить её правильной жизни, а сам не смог организовать выходной, было почти освобожда-

ющим.

— Тогда до следующего раза.

— До следующего.

Возле турникета на экране прокручивали ролик о новых услугах. Лена машинально заметила слишком мелкий текст и неудачное выравнивание. Потом экран сменился: «Верни себя за восемь недель». На фотографии женщина стояла к камере спиной; рядом была другая фотография, где та же женщина уже улыбалась в спортивном топе.

Лена остановилась. Под снимками стояло имя тренера: Андрей Ковалёв.

Она повернулась к стойке. Андрей был далеко, возле служебной двери, и разговаривал с женщиной в пиджаке. Та показывала что-то на планшете. Он качал головой, но Лена не слышала слов.

Восемь недель. До конца её абонемента оставалось меньше четырёх. Она достала телефон и сфотографировала экран, прежде чем изображение сменилось.

Дома мать уже ушла. Миша сидел над тетрадью, в которой действительно не было ни одной строчки.

— Не понимаю, — сказал он. — Если я сначала сделал про себя, зачем ещё писать?

Лена поставила сумку у двери.

— Чтобы было видно, как ты сделал.

— Но ответ ведь правильный.

Она села рядом. Весь день ей предлагали счастливый ме-

шок, лёгкий развод и новую жизнь за восемь недель. Сын предлагал правильный ответ без того, что произошло по дороге.

— Давай покажешь по одному шагу.

Пока Миша писал, пришло сообщение от Даши. Она прислала материалы для оценки проекта: список страниц, сроки, снимки студии. На одном из снимков женщина в спортивном топе стояла возле окна.

Лена открыла фотографию экрана из своего клуба и положила рядом на ноутбуке.

Женщина была та же. Бутылка в левой руке, тонкая белая полоса на лямке, одинаковый свет на плече. Только цвет пола заменили и отражение тренажёра убрали.

Под материалами заказчика было написано: «История нашей клиентки. Результат индивидуального сопровождения».

Лена долго смотрела на два окна. Она знала, как делают рекламные макеты. Она делала их сама. Но сегодня эта обычная работа впервые стояла между ней и человеком, которому она почти успела поверить.

— Мама, так правильно?

Миша подвигал к ней тетрадь.

Она проверила решение. Каждый шаг был на месте.

— Да. Теперь видно.

Глава 6. Без обещания

Лена не спала до двух. Сначала переделывала каталог, потом отвечала Даше, потом открывала и закрывала фотографию. Неприятнее всего было, что она знала ответ ещё до вопроса. Скорее всего, кто-то взял изображение из фотобанка. Скорее всего, женщину никогда не видели ни в одном из двух клубов. Скорее всего, Андрей не решал, что ставить на экран. Все эти «скорее всего» складывались в удобную возможность ничего не выяснять.

Она написала ему в рабочем чате клуба:

«Добрый вечер. Я увидела рекламу новой программы с вашим именем. Можно уточнить, кто на фотографиях?»

Перечитала и стёрла «добрый вечер». На часах было 01:47. Потом вернула приветствие. То, что она злилась, не делало ночь днём, а человека — обязанным отвечать.

Утром вместо ответа стояла отметка о прочтении.

Лена собрала Мишу в школу, снова поспорила с Павлом про «финальные» подписи и отправила Даше оценку. В письме она выделила одну строку: «Фото клиентов и заявления о результатах предоставляет и подтверждает заказчик». Раньше она добавляла такую строку в договор, когда вспоминала. Теперь добавила до того, как договор появился.

В одиннадцать позвонил Андрей.

— Елена, здравствуйте. Удобно говорить?

— Да.

— Видел ваш вопрос. Можете переслать, какой именно экран вы сфотографировали?

Лена отправила снимок.

— Вы сами не видели?

— Видел макет другого объявления. Этого не видел.

— Там написано ваше имя.

— Да.

Пауза получилась длиннее, чем требовалось для загрузки изображения.

— Я выясню, — сказал он.

Лена почувствовала, как в ней поднимается знакомое разочарование. Мужчины в её жизни многое собирались выяснить. Потом выяснение незаметно становилось новой причиной не обсуждать старую.

— Я не прошу устраивать проверку из-за меня. Я хочу понять, это результат вашей работы или нет.

— Нет.

Она замолчала.

— На этих фотографиях не моя клиентка, — продолжил Андрей. — Я её не знаю. Это я могу сказать сейчас.

— Спасибо.

— И это объявление не должно висеть с моим именем.

— Тогда почему висит?

— На этот вопрос у меня пока нет честного ответа. Кроме того, что я его не проверил.

Она ждала объяснений про управляющую, маркетолога, спешку. Он их не предложил. Именно это мешало решить, как к нему относиться.

— Ладно, — сказала Лена.

— Если вы придёте сегодня, план занятий тот же. Программа с экрана к нему не относится.

— Я сегодня не собиралась.

— Хорошо.

Он попрощался, не пытаясь сделать разговор приятнее.

После звонка Лена открыла рабочее письмо и обнаружила, что всё ещё держит курсор на строке о фотографиях. Текст не нуждался в правке. Ей было нужно несколько секунд, чтобы вернуться к мешкам.

В клуб она всё-таки пошла. Это выглядело глупо даже для неё самой: сказала, что не собирается, а через шесть часов стояла у турникета. Но у неё была свободная часть вечера и пять оставшихся посещений. Она не хотела отдавать их чужому объявлению.

На экране показывали расписание групповых занятий.

Лена остановилась и дождалась полного круга: расписание, бассейн, новый кофе на фитнес-баре, приглашение на день открытых дверей. Женщины с обещанием больше не было.

— У вас вводная? — спросил администратор.

— Нет. Я просто смотрю.

Он кивнул так, словно «просто посмотреть» тоже входило в

тариф.

В раздевалке Аня рассказывала другой посетительнице о поездке за город. Увидела Лену и помахала.

— Привет. Мы потом на кофе. Пойдёшь?

— Я домой после занятия.

— А, хорошо. Как-нибудь тогда.

Они не стали выяснять, почему домой. Лена убрала вещи в шкафчик и подумала, что в последние дни получила подозрительно много лёгких отказов — собственных, принятых другими людьми.

Сегодня тренажёр был свободен. Она настроила сиденье, сделала один подход, отдохнула и повторила. В третьем подходе получилось на два повторения меньше. Она записала число. Раньше она, вероятно, добавила бы ещё два кое-как, чтобы запись не выглядела хуже. Теперь лист никак не смотрел на неё.

Андрей работал с женщиной у стойки. Он заметил Лену, но не подошёл. Она начала второе упражнение. Потом третье. Занятие происходило без специального внимания, и из этого следовал неприятный, но полезный факт: она действительно могла делать его сама.

У выхода она увидела женщину в пиджаке.

— Елена?

Лена остановилась.

— Да.

— Ирина, управляющая. Андрей сказал, что вы обратили

внимание на ошибку в рекламном материале. Спасибо, что сообщили. Мы сняли с показа.

Она говорила очень вежливо. Лена узнала интонацию Павла: всё уже устроено так, чтобы разговор не мог продолжиться без нарушения правил приличия.

— Там было обещание результата и фотография чужого человека.

— Программа пока на этапе разработки. Материал попал на экран раньше согласования.

— Понятно.

— Мы очень внимательно относимся к таким вопросам.

Лена кивнула. Ей хотелось спросить, кто сделал материал и зачем, но ответ уже был выбран: этап разработки. В нём не помещался ни человек, ни его решение.

Ирина посмотрела на её телефон.

— Если будете что-то писать о ситуации, учтите, пожалуйста, что она уже исправлена.

— Я не собиралась ничего писать.

— Конечно. Просто говорю.

Лена узнала и это. «Просто говорю» позволяло произнести почти любую просьбу, не отвечая за её смысл.

— Тогда доброго вечера, — сказала она и прошла дальше.

Андрей ждал возле окна у выхода. Не у турникета, где пришлось бы останавливаться, а в стороне. Лена сама подошла.

— Спасибо, что убрали.

— Убирать было нужно без вашего спасибо.

Она посмотрела на него. Он тоже устал, но не использовал усталость как право закончить неудобную тему.

— Вы поссорились?

— Поговорили.

— Это значит да?

Андрей улыбнулся краем рта.

— Это значит, что подробности нашей работы я не буду перекладывать на вас.

Лена почувствовала, что ей не понравился ответ. Хотелось стать человеком, которому доверяют подробности. Хотелось, чтобы исправленное объявление связывало их чем-то большим, чем положено исправленному объявлению.

— Я дизайнер, — сказала она. — Поэтому заметила фотографию. Она оказалась ещё в одном проекте. С подписью «наша клиентка».

— Вы делаете такой проект?

— Пока оцениваю.

— И что будете делать с фотографией?

— Попросила подтверждение. Или убираем подпись. Человек может изображать тренировку. Но не чужой результат.

Он кивнул, словно вопрос был не проверкой, а настоящим вопросом, и её ответ ему пригодился.

— У вас сегодня получилось без подсказок?

— Почти. В последнем подходе меньше повторений.

— Вы устали?

— Да.

— Тогда запись похожа на то, что произошло.

— Очень скромное достижение.

— Зато ваше.

Вокруг них проходили люди. За стеклом автобусы останавливались у перекрёстка; было видно, как пассажиры наклоняются вперёд, собираясь выходить. Лена хотела предложить кофе, но не знала, как это прозвучит. Благодарность? Попытка получить продолжение вводной? Свидание? У неё самой пока не было ответа.

— Я сейчас пойду, — сказала она.

— Конечно.

— Вы всё время так отвечаете.

— Как?

— «Конечно». Как будто человек может просто пойти.

Андрей помолчал.

— Может.

Она улыбнулась. Ей стало неловко от того, насколько важным оказался этот короткий обмен.

Уже на лестнице Лена получила сообщение Даши.

«Спасибо за оценку. Им подходит. По фото ответили: это иллюстрация, подпись поправят. Хочешь созвон завтра в десять?»

Лена написала: «Да».

После этого пришло сообщение Игоря.

«В воскресенье мы идём на выставку с Мишей. Катя уже

взяла билеты. Ты не против?»

Она знала, почему он спрашивает. Хотелось иметь подтверждение, что решение правильное, и право показать это подтверждение, если станет неудобно. Лена напечатала «вы ведь уже решили», стёрла и написала:

«Это твоё время с ним. Сообщи, во сколько привезёшь».

Отправив, она не ощутила победы. Ничего не закончилось; впереди оставались новые сообщения, воскресенье и фотографии, которые нужно будет научиться смотреть. Но сегодня у неё была законченная тренировка и работа, за которую она назвала цену.

Она спустилась на улицу. Дождя не было. Лена застегнула куртку, положила телефон в сумку и пошла к остановке, не проверяя, кто ответил первым.

Глава 7. Разница в цене

В десять утра Лена сидела перед ноутбуком в рубашке и домашних штанах. Рубашка помещалась в кадр. Штаны не помещались, и она надеялась, что до конца разговора ей не придётся вставать.

Даша подключилась первой, затем на экране появились два мужчины. Один представился Романом, другой — Максимом. За Романом стоял пустой стеллаж. Максим сидел в машине, которую время от времени переставлял на полметра, не объясняя зачем.

— Нам нравится ваша оценка, — сказал Роман. — Но есть нюанс.

Даша перестала улыбаться.

Нюанс оказался в том, что половину оплаты хотели перевести после открытия студии. Открытие планировалось через месяц. Возможно, через полтора. Срок зависел от строителей, пожарной сигнализации и поставки оборудования, которое, по словам Максима, «уже практически на таможне».

Лена посмотрела на свой календарь. Двадцать часов работы, на которые она рассчитывала, успели превратиться в тридцать ещё при обсуждении фотографий.

— Я могу разбить работу на этапы. Оплата каждого — перед началом следующего.

— Нам так неудобно, — сказал Роман.

— Понимаю.

Она замолчала. Раньше после этого слова непременно предложила бы другой вариант, удобный ему. Теперь другого варианта у неё не было.

Максим остановил машину.

— Давайте предметно. Что мы получим за первый платёж?

Лена открыла список. Они прошли по пунктам, убрали два, перенесли один. Лендинг сократился до одной страницы без личного кабинета. Съёмку отделили от дизайна. К концу разговора денег стало меньше, но работа перестала зависеть от пожарной сигнализации.

— Тогда сегодня договор, — сказал Максим. — Роман, скинь реквизиты.

Когда мужчины отключились, Даша осталась.

— Ты сейчас очень хорошо молчала.

— Я думала, они откажутся.

— Я тоже.

Лена почувствовала, как пот под рубашкой остывает.

— А если бы отказались?

— Искали бы другой проект. Я не говорю, что это весело.

Даша посмотрела куда-то за экран, прикрыла ладонью микрофон и ответила коллеге. Лена слышала только отдельные слова: «в пятницу», «не согласовано», «ещё раз». У подруги тоже ничего не происходило без усилия. Просто усилие не всегда было направлено на то, чтобы выглядеть спо-

койной.

— Фотографию я пока убрала, — сказала Лена. — Нужна настоящая съёмка. Без историй клиенток, пока клиенток нет.

— Хорошо. Только не бери её организацию на себя. Я найду фотографа.

Даша закончила звонок. Лена осталась в чёрном прямоугольнике собственного изображения. Рубашка была застёгнута на лишнюю пуговицу. Она расстегнула её и отправила договор.

Андрей в это время сидел в кабинете Ирины. На столе лежал распечатанный план новой программы. Возле его фамилии управляющая провела жёлтым маркером широкую полосу.

— Я сняла материал, — сказала она. — Но ты мог сначала прийти ко мне.

— Я пришёл к тебе.

— После того как сказал клиентке, что фотография чужая.

— Она спросила. Это не моя работа.

— Ты понимаешь, как звучит такой ответ от сотрудника?

Он понимал. Сотрудник должен был говорить так, чтобы ответ оставался внутри организации, даже если вопрос задал человек снаружи.

Ирина перелистнула бумаги.

— Мне нужен тренер на программу. И мне нужно знать,

что он не будет каждый раз спорить с упаковкой.

— Назовём её возвращением к занятиям. Объясним состав. Без этих фотографий и обещаний.

— «Возвращение к занятиям» не продаёт.

— Тогда найди другое название.

— Ты предлагаешь мне и название найти, и людей собрать, и потом отвечать за твои принципы?

Она впервые повысила голос. Андрей посмотрел на чашку возле её ноутбука. Чай в ней был вчерашний: по ободку осталось несколько тёмных полос.

— Я предлагаю не обещать то, чего мы не знаем.

— А я предлагаю платить аренду. У нас в следующем месяце пересмотр ставки. Пока ты объясняешь одной посетительнице, как устроен мир, я пытаюсь сохранить ваши сменны.

Андрей замолчал. Про аренду он не знал.

Ирина заметила это и уже спокойнее подвинула лист.

— Напиши состав. Сегодня. Если получится продукт, который можно запустить, оставим твоё имя. Если нет — найдём человека, который готов.

— Хорошо.

— И отпуск. На четырнадцатое я тебя отпустить не могу. Давай после двадцатого.

Он посмотрел на неё.

— Спектакль не перенесут после двадцатого.

— Что?

— У дочери премьера. Мне нужно быть там четырнадцатого.

Ирина села глубже в кресло.

— Раньше ты не говорил.

— Я говорил, что мне нужна поездка.

— Про поездку говорят все. Про дочь мог сказать.

Он хотел возразить, что не обязан объяснять весь свой отпуск. Вместо этого назвал день вылета и сказал, какие занятия сможет перенести.

— Одну неделю, — ответила Ирина. — Если найдёшь замену на дежурства. Две сейчас нет.

Она сделала пометку на календаре. Андрей не поблагодарил сразу. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы перестать спорить с тем решением, которое уже оказалось достаточным.

— Спасибо.

В служебной комнате он открыл расписание и написал двум коллегам. Потом сел делать план программы. В графе «результат» долго стояла пустая строка.

Он вписал: «Участник знает свой план занятий и может повторить его самостоятельно».

Прочитал. Слишком скромно для афиши. Но именно это вчера получилось у Лены, и за это ему впервые за неделю не было стыдно.

Телефон завибрировал. Соня.

«Сегодня среда».

Андрей ответил: «Помню. Неделю согласовали. Теперь меняюсь сменами. Сегодня вечером скажу окончательно».

Через минуту она прислала фотографию сцены. Посреди неё стояло кресло с оборванным подлокотником. На спинке висела табличка: «Не садиться. Реквизит».

«На этом мне надо умереть. Надеюсь, не буквально».

Он рассмеялся и переслал снимок коллеге, который спрашивал, почему так важен именно этот день.

«Мне нужно успеть на это кресло», — написал Андрей.

Впервые за долгое время объяснение получилось точнее любого оправдания.

Глава 8. Столик на троих

Деньги пришли в четверг. Лена сначала проверила сумму, потом отправителя, потом снова сумму. Она боялась обращаться переводу, который вдруг окажется ошибкой.

Ошибки не было. Максим написал: «Первый этап оплачен. Ждём наброски в понедельник».

Она закрыла банковское приложение и открыла снова. За последние месяцы деньги редко появлялись раньше работы. Обычно работа долго ходила впереди них, оставляя за собой переписку и осторожные напоминания.

Лена перевела часть на отдельный счёт. Потом заказала себе ботинки. Через минуту отменила заказ: не тот размер. Ещё через две заказала снова, уже правильный. Волнение после оплаты проекта почему-то лучше всего проявлялось в неспособности попасть пальцем в нужную цифру.

Перед уходом мать позвонила и спросила, во сколько возвращаться с Мишей от её дома. Лена сказала: к девяти, как договорились. Мать вздохнула.

— Я думала, ты пораньше сможешь. Мне тоже завтра вставать.

— Ты говорила, что до девяти удобно.

— Говорила. Не значит, что у меня нет других дел.

Лена почувствовала готовую злость. Всю неделю подстраивалась, считала деньги, писала клиентам достаточно веж-

ливо. Теперь ещё нужно было правильно принять помощь, которая изменила условия в середине дня.

— Тогда привози к восьми. Я вернусь раньше.

— Не надо этим тоном.

Она закрыла глаза.

— Мам, я не знаю, каким тоном. Если тебе неудобно, скажи. Я найду другой вариант. Но сначала ты говоришь да, потом мне нужно угадывать, что я попросила слишком много.

На другом конце стало тихо. Слышала телевизор, голос Миши где-то в комнате.

— Я просто устала, — сказала мать.

Лена села на стул.

— Я знаю. Давай сегодня к восьми. А на следующую неделю заранее выберем только те дни, которые тебе подходят.

— Ты думаешь, я не хочу с ним?

— Думаю, что хочешь. И можешь уставать одновременно.

Мать ничего не ответила сразу. Потом сказала, что привезёт к половине девятого: после ужина в автобусе меньше людей. Лена согласилась. У неё всё ещё было почти два часа.

Она посмотрела на ботинки в телефоне, закрыла магазин и впервые заметила, что банковское облегчение не сделало весь день лёгким. Раньше ей казалось, что как только будет достаточно денег, перестанет стыдиться каждой просьбы. Сейчас деньги пришли, а разговор всё равно получился неровным.

Через десять минут мать прислала фотографию: Миша

держал газетный лист, свернутый в трубу, и смотрел в него, как в подозрную. В подписи было: «Нашёл корабль».

Лена улыбнулась. Она могла благодарить за фотографию, не отменяя того, что сказала о времени.

Написала: «Красивый капитан. Спасибо. Жду к половине девятого».

Потом достала спортивную сумку. В этот раз не стала добавлять к тренировке магазин, аптеку и ещё один заказ: иначе точно опоздает. Выключила ноутбук, оставила на столе записку Мише, что новый размер ботинок тоже требует проверки, и вышла.

Вечером она собиралась в зал. Миша должен был вернуться от бабушки только в девять. У неё было почти три часа, и она поймала себя на попытке набить их полезными делами до отказа.

Вместо этого вышла за сорок минут до обычного времени.

Аня сидела у фитнес-бара с бумажным стаканом. Рядом стояла женщина в огромной зелёной куртке. Обе смотрели на телефон и смеялись.

— Привет, — сказала Лена.

— О, садись. Это Света. Она после группы. Я ещё собираюсь делать ноги, но пока собираюсь уже двадцать минут.

Света отодвинула сумку с соседнего стула.

На экране мужчина пытался прочитать стихотворение, пока маленькая собака сзади таскала у него из кармана носовой платок. Лена посмотрела ролик дважды и засмеялась

во второй раз, когда уже знала, чем всё закончится.

— Это мой муж, — сказала Света.

— Правда?

— Нет. Но если бы мой решил читать стихи, собака была бы единственным способом спасти вечер.

Света выключила телефон.

— Я кофе беру. Тебе?

Лена не успела отказаться.

— Маленький капучино.

— Отлично. Аня, тебе хватит? Ты уже с этим стаканом отношения построила.

Аня заглянула внутрь.

— Там лёд. Я привыкла.

Лена сняла куртку. Разговор не требовал истории развода, профессии или причин возвращения. Света рассказала, как перепутала адрес доставки и получила свой же букет, который заказала сестре. Аня — как заснула в метро, проехала нужную станцию, проснулась на следующей, вышла, села обратно и снова проехала. Они спорили, считается ли это отдыхом.

Когда принесли кофе, Лена обхватила стакан ладонями. Она весь день держала мышь, телефон, школьный рюкзак; ни один из этих предметов не был тёплым.

— А ты кем работаешь? — спросила Света.

— Дизайнером.

— Квартиры?

— Нет. Сайты, каталоги, реклама.

— Жаль. У меня кухня такая, что я готова разговаривать даже со случайным дизайнером.

Аня подтолкнула к Лене салфетку.

— Нарисуй ей кухню на салфетке. Будет потом всем говорить: авторский проект.

Лена взяла ручку из сумки. Нарисовала стол, над которым висел огромный светильник. Светильник был настолько велик, что людям под ним оставалось только стоять в профиль. У одного человечка она добавила бумажный стакан.

— Это вы ждёте доставку букета.

Света смотрела несколько секунд, затем рассмеялась так громко, что администратор поднял голову.

— Оставь мне. Я на холодильник повешу.

Лена подписала внизу: «Кухня, на которой невозможно поссориться: негде развернуться».

Подпись получилась кривой. Ей понравилось.

Света уехала первой. Аня наконец отправилась делать ноги. Лена поднялась следом, но возле турникета остановилась: из раздевалки вышел Андрей в обычной куртке. Без тренерской футболки он выглядел иначе, прежде всего потому, что теперь не был обязан смотреть по сторонам.

— Уже закончили? — спросила Лена.

— Сегодня да. Вы ещё только начинаете?

— Я пила кофе.

— Тоже бывает.

Ей захотелось сказать, что она не ленился. Он не спрашивал, но внутреннее объяснение уже приготовилось и ждало разрешения.

— Получила оплату за проект, — сказала она вместо этого.

— Поздравляю.

Андрей улыбнулся. Он не спросил, много ли, и не предположил, как она распорядится деньгами. Лена вдруг поняла, что рассчитывала на вопрос. Хотела рассказать, как всё было, и услышать, что хорошо сделала.

— Мы два раза пересчитали объём. Раньше я бы взяла всё за первую сумму.

— Значит, сегодня кофе по делу.

— И ещё по делу я всё-таки потренируюсь.

— Лена, кофе не требует оправдания.

Он впервые назвал её просто по имени. Возможно, не заметил. Она заметила сразу.

— Вы сами едете отдыхать? — спросила она.

— Покупать билет.

— На концерт?

— На самолёт. К дочери. У неё спектакль.

Это была первая вещь о нём, не связанная с залом. Лена кивнула слишком быстро, стараясь не показать неожиданно-го интереса.

— Сколько ей?

— Пятнадцать.

— Моему девять.

— Значит, ещё не все ответы начинаются со слова «очевидно».

Лена рассмеялась.

— Уже некоторые.

У Андрея зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, и выражение лица сразу изменилось. Не стало мягче или жёстче — стало сосредоточенным.

— Мне нужно ответить. Хорошей тренировки.

— Конечно.

Он заметил её улыбку и улыбнулся в ответ. Потом вышел на улицу.

Лена успела сделать два упражнения, прежде чем поняла, что третье всё время откладывает, поглядывая на выход. Она сама не знала, чего ждёт. Андрей мог забыть ключи, вернуться за водой, обнаружить отменённый рейс — любая глупость годилась, лишь бы разговор случился ещё раз.

Она выключила таймер отдыха и убрала телефон в сумку.

Дома Миша сразу спросил, почему её так долго не было. Она приготовилась отвечать с раздражением, но сын продолжил:

— Мы хотели тебе показать. Бабушка забыла очки, и я надел. Смотри фотографию.

На снимке он держал газету вверх ногами. Мать стояла рядом с таким серьёзным лицом, что Лена не сразу поняла: она тоже участвовала в шутке.

Лена засмеялась. Миша довольно забрал телефон.

— Ты сегодня смешливая.

— Видимо.

Она положила на стол тренировочный лист. Осталось три посещения. На следующей неделе нужно было либо купить новый абонемент, либо снова закончить.

Теперь она знала, что денег хватит. Не знала только, какую часть желания вернуться здесь можно было назвать тренировкой.

Глава 9. Общая фотография

В пятницу после работы Лена открыла папку со старыми фотографиями. Искала снимок для небольшой презентации о себе: Даша попросила прислать, чтобы представить её новому заказчику не одной строчкой «дизайнер, рекомендую».

Папка называлась «Разное». Внутри лежали институт, море, чужая свадьба, первая квартира, Миша в большой шапке. Файлы никогда не сортировали, потому что всё это время они казались одной жизнью.

На снимке из института Лена стояла рядом с Дашей, держала диплом и смотрела куда-то за фотографа. Волосы были короткими, пальто слишком большим, лицо уверенным не потому, что понимала будущее, а потому, что ещё не видела достаточно его версий.

Профессиональным снимком это не было. Она сохранила в отдельную папку, потом убрала: клиенту не нужно двадцатилетнее обещание, что всё получится.

Следующая фотография оказалась с Игорем. Пикник, зелёная трава, его рука у неё на плече. Лена смотрела на кадр и пыталась вспомнить, когда перестала замечать, что ей приятно именно эта рука. Не могла найти дату.

Он не был плохим мужем с первой минуты. Умел смешно рассказывать, как на работе спорили из-за сломанной двери. Мог купить ей кофе, когда она не просила. Однажды помогал

всю ночь клеить макет, хотя наутро ехал в командировку. Если вычеркнуть хорошее, развод станет проще объяснить и труднее понять.

Ей было удобно вспоминать последние годы: вопросы, недовольство, разговоры про полезное отвлечение. Они действительно были. Но рядом лежали фотографии, где оба смеются по причинам, которые ещё можно вспомнить.

Лена закрыла папку. Включила камеру на ноутбуке. Села на стул, посмотрела на экран. Свет падал сверху, лицо казалось уставшим. Она выключила, включила снова, поставила лампу ближе.

Получилась женщина, которая старается доказать, что умеет работать, хотя работала уже много лет.

Даша написала: «Не надо сегодня всю личность собирать. Пришли обычный портрет, потом сделаем нормальные».

Лена отправила один кадр с телефона. Там была на кухне, в простой рубашке, Миша обрезан по краю. Спросила, нужно ли убрать фон.

«Нет. Для знакомства подходит».

Она облегчённо выдохнула.

Вечером пошла в клуб. Андрей работал у стойки с молодым мужчиной. Лена прошла мимо, почти не замедлив шаг. Он кивнул. Она кивнула в ответ.

Занималась сама. В третьем упражнении пришлось ждать. На лавке рядом две девушки обсуждали конкурс, который прошёл на выходных. Одна показывала общую фотографию

команды. На ней Андрей стоял сбоку в чёрной майке, улыбался иначе, чем в зале: широко, без проверки, можно ли сейчас улыбнуться.

Лена смотрела на экран слишком долго. Девушка заметила.

— Вы Андрея знаете?

— Да. Он вводную проводил.

— Мы раньше у него в другой секции занимались. Тут на встрече старой команды. Он редко приходит, но в этот раз дошёл.

Она показала кадр крупнее. Рядом стояла женщина с короткими волосами, мужчина в толстовке, ещё четыре человека. Никакого особого смысла, просто общая фотография.

— Можно я посмотрю? — спросила Лена.

Телефон ей не отдали, только повернули ближе. Она не обиделась. Рассмотрела Андрея, вспомнила, как сама вырезала сына из снимка для клиента, и почувствовала нелепость собственного интереса: человек тоже жил, прежде чем появился в её расписании.

Девушки ушли. Лена сделала последний подход.

На выходе Андрей стоял у фитнес-бара.

— Сегодня получилось?

— Да. Я видела ваше фото. С командой.

Он чуть нахмурился.

— Какое?

Она объяснила.

— А. Это встречались в субботу. Давно не виделись.

— Вы там очень довольный.

Он улыбнулся, но не так широко.

— Было приятно.

Лена посмотрела на его руки, потом на лицо.

— Я иногда думаю, что знаю вас больше, чем знаю на самом деле.

Андрей не ответил сразу.

— Я вас тоже мало знаю.

— Зато знаете, как я настраиваю сиденье.

— Очень важная часть биографии.

Они засмеялись.

Лена хотела спросить, почему редко ходит на встречи команды, но он смотрел на часы: следующий клиент уже поднимался по лестнице. Она остановилась.

— Хорошей работы.

— Спасибо. И вам.

Дома Лена снова открыла свою старую папку. Не удалила фотографию пикника. Не отправила Даше институт. Просто создала внутри ещё одну папку и назвала по году. Начала переносить файлы.

Это было маленькое дело, никак не связанное с силой характера. Можно было оставить фотографии там, где они лежали. Но ей впервые хотелось, чтобы разные годы перестали притворяться одним и тем же временем.

Глава 10. Другой Андрей

Билет Андрей купил в одиннадцать вечера, когда Соня уже спала. Переслал ей подтверждение и только потом сообщил бывшей жене.

Татьяна ответила утром: «Хорошо. Где остановишься?»

Вопрос был настолько обычным, что он сперва почувствовал обиду. Когда-то он приезжал домой. Теперь приезжал в город, где требовалось найти жильё.

«В гостинице. Выберу сегодня».

«Если в центре, удобнее до театра. От школы далеко, но Соня сама ездит».

Он поблагодарил. Написал, что будет неделю. Татьяна поставила реакцию на сообщение — маленькую поднятую руку. Ни приглашения, ни запрета; только информация принята.

Утром в клубе Андрей нашёл у служебного входа Дениса. Тот держал пакеты с булочками и дул на кофе.

— Купил?

— Да. Спасибо за смену.

— Мне в декабре вернёшь. Я уже записал. Ирина тоже.

— Верну.

Денис протянул пакет.

— Держи. Эти без изюма. Изюм я себе оставил, потому что у меня сложный внутренний мир.

Они сели на скамейку. До открытия оставалось десять минут.

— Программу твою видел, — сказал Денис. — Нормальная.

— Ирина ещё не согласовала.

— Она согласует. Ей нужен запуск. Только чат не бери круглосуточный. Уже есть люди, которые в половине первого спрашивают, считается ли один кусок сыра.

Андрей откусил булочку.

— Как ты отвечаешь?

— Что сыр не исчезает от темноты. Обычно обижаются.

Денис был младше на семь лет, но иногда Андрей чувствовал себя возле него неопытным. Коллега умел закончить рабочий день. Мог уходить вовремя, отказывать в скидке и обсуждать зарплату без выражения, будто просит чужую вещь.

— Ты про выступления собираешься рассказать? — спросил Денис.

Андрей перестал жевать.

— При чём тут выступления?

— Ирина хочет твою историю. Она мне говорила. Ты же понимаешь, что когда она полезет посмотреть старые видео, там будут не только костыли.

— Я ничего не скрываю.

Денис посмотрел на него и отвёл глаза. Соседний пакет смялся у него в руке.

— Тогда всё нормально.

Они допили кофе. Первые посетители ждали у стеклянной двери. Денис поднялся открывать, Андрей остался ещё на минуту.

На старых видео ему было двадцать семь. Он стоял в майке, с белой полоской магнезии поперёк груди, и спорил с судьёй. После неудачной попытки толкнул стойку так, что один из дисков ударился о помост. Никого не задело. Это было важное уточнение, которое он до сих пор повторял себе, хотя суть не менялась.

На том соревновании Татьяна впервые ушла до конца. Соня тогда была маленькой, сидела у матери на коленях и закрыла уши, когда он начал кричать.

Андрей много лет рассказывал о травме как о границе между прежней жизнью и новой. На самом деле граница возникла раньше. Просто её неудобно было показывать на фотографиях.

Он выбросил стакан и пошёл переодеваться.

После второй тренировки пришло сообщение от Сони: «Точно приезжаешь?»

«Точно. Билет куплен».

«Я видела. Просто спросила».

Он смотрел на эти слова, пока не погас экран. Купленный билет решал вопрос перелёта. Другой вопрос он сам когда-то сделал настолько трудным, что теперь дочь задавала его даже после доказательства.

Днём Ирина пригласила его на короткое обсуждение про-

граммы. На столе лежали новые листы. Название изменилось: «Первый месяц в зале».

— Не восемь недель? — спросил Андрей.

— Длинный продукт тяжело продавать тем, кто только возвращается. Делаем четыре. Потом человек решит, продлевать ли.

Он кивнул. На бумаге было шесть занятий в группе до шести человек, два самостоятельных тренировочных шаблона и еженедельная встреча для вопросов. Чат Ирина ограничила рабочими часами.

— По питанию — только общий урок. Индивидуальные рационы отдельно, если вообще будем делать, — сказала она. — Ты расписал слишком много того, что входит бесплатно.

— Это входит в программу.

— В программу, за которую платят. Привыкай.

Она назвала цену. Андрей мысленно посчитал часы работы. На этот раз цифра не требовала оправдывать каждый пункт словами «я просто помог».

— И история возвращения, — продолжила Ирина. — Мне нужна для страницы. Травма, перерыв, постепенное восстановление. Без героизма. На две тысячи знаков.

Он положил ладони на край стола.

— Не хочу свою историю в рекламу.

Ирина вздохнула.

— Хорошо. Расскажи, как работаешь. Но я не могу делать страницу из одного списка упражнений. Люди выбирают че-

ловека.

— Напишу о работе.

— До понедельника. И фото новое. На старом ты выглядишь так, будто собираешься взыскать долг.

У кабинета Андрей столкнулся с Леной. Она держала куртку в руках и разговаривала с администратором про продление. Услышав цену, чуть нахмурилась, затем попросила показать варианты.

Он не подошёл. Дождался, пока она сама повернётся.

— Здравствуйте.

— Привет. Продлеваете?

— Сравниваю. Полный год мне пока не нужен.

— Есть помесечный.

— Он дороже, если считать год.

— Если считать месяц, дешевле года.

Она посмотрела на него и рассмеялась.

— Вы очень плохой продавец.

— Это зависит от того, что считать продажей.

— Не начинайте. Я только что полчаса выбирала шрифт, который нравится человеку, не знающему, какой шрифт ему нравится.

Андрей улыбнулся. Впервые она говорила с ним так, будто могла перебить, не опасаясь потерять место в разговоре.

— Нашла?

— Нет. Он сказал «сами решите», а это значит, что завтра решит иначе.

Она убрала куртку под мышку.

— Долетите потом нормально. И спектакль посмотрите.

— Спасибо. Я ещё не скоро. В ноябре.

— А. Я подумала, сегодня.

— Сегодня только смена.

Он хотел сказать что-нибудь ещё. Спросить о проекте, продолжить шутку о шрифтах. Вместо этого увидел, как её рука скользнула по стойке в поисках телефона. Она заметила, что он посмотрел, и убрала руку.

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Андрей прошёл в зал. На планшете остались открытыми задания клиента. Он прочитал одну строку трижды, прежде чем понял смысл.

Вечером, составляя описание своей работы, он написал: «Я умею помогать людям спокойно возвращаться к занятиям».

Посмотрел на фразу. В ней не было лжи. Не было и той части правды, которая мешала ему самому возвращаться куда-либо.

Он удалил слово «спокойно» и оставил файл открытым.

Глава 11. Свой вес

В воскресенье Андрей собирался потренироваться сам. В календаре стояло девять утра. До первого клиента оставалось полтора часа: достаточно, если не отвечать на сообщения и не переносить половину занятия в чужие разговоры.

Пришёл в восемь сорок. Администратор протянул ему ключ и спросил, не может ли он сначала помочь с тренажёром. Ручка снова застряла.

Андрей уже повернул к силовой зоне, потом остановился.

— Я сегодня до десяти не дежурю. У кого смена?

— У Никиты. Он пока в дороге.

— Тогда сообщи ему, пусть проверит, когда приедет. Пока повесьте табличку, чтобы не использовали.

Администратор кивнул без обиды. Андрей почувствовал странное раздражение: отказ оказался слишком простым. Столько времени он сам добавлял к рабочему утру дела, о которых никто не просил настойчиво.

Переоделся. В зеркале раздевалки увидел шрам возле колена. Он давно не вызывал особых чувств, пока рядом не оказывался человек, который спрашивал, как всё произошло. Тогда шрам снова становился историей, которую он умел рассказывать лучше любой другой.

В зале было тихо. На дорожках трое, возле стойки один мужчина. Андрей начал разминку. Движения были знакомы-

ми. Тело сегодня не требовало большого внимания, но он всё равно проверял каждое ощущение, словно давно потерянное доверие нужно было получать повторно перед работой.

У стойки стояли диски. Он посмотрел на них и достал телефон: в заметках остался прежний план, который год назад выполнял регулярно. Вес был выше того, с которым занимался последние недели.

Он знал, что делать. Те же слова говорил клиентам ежедневно: сначала посмотреть текущую возможность, не воспроизводить прежнюю цифру. Знать и чувствовать себя человеком, которому это подходит, оказалось разным.

Поставил меньше. Сделал несколько повторений. Всё прошло нормально.

— Вы раньше больше брали, — сказал мужчина у соседней стойки.

Андрей узнал его: посетитель, который приходил по воскресеньям и всегда следил за чужими весами, будто зал был общей бухгалтерией.

— Раньше другое занятие было.

— Я думал, после восстановления вы уже можете.

Он почувствовал желание добавить диск, чтобы не объяснять. Мужчина не оскорблял, возможно, просто интересовался. Но в вопросе Андрей услышал знакомое ожидание: снова стать убедительным.

— Сегодня этот вес, — сказал он.

Посетитель кивнул и вернулся к своей работе. Андрей

остался стоять, не начиная следующий подход. Вчера совет про скромное достижение звучал легко. Сейчас скромность пахла старой магнезией и тем, что он отказался показать при чужом взгляде.

Он выпил воды. Подождал. Сделал ещё подход с тем же весом.

После второго упражнения появился Денис. Сегодня не работал, тоже пришёл заниматься. Посмотрел на стойку, затем на Андрея.

— Вдвоём поработаем? Я свои подходы, ты свои.

— Давай.

Они меняли диски, не сравнивая записи. Денис не спрашивал, почему нагрузка такая. На четвёртом подходе Андрей хотел сделать ещё одно повторение, хотя движение уже изменилось. Остановился. Денис принял штангу, помог поставить.

— Всё?

— Всё.

— У меня ещё два. Потом кофе?

Андрей посмотрел на часы.

— Клиент в десять.

— Тогда я сам. Какой хочешь?

— Обычный. Без изюма.

Денис засмеялся.

Пока коллега заканчивал, Андрей сел на лавку. Телефон лежал на полу рядом. Пришло сообщение от Сони: фотогра-

фия ботинок, которые выбрала к костюму. Она спрашивала, не слишком ли взрослые.

Он хотел написать «нет, нормальные». Потом увеличил фотографию. Ботинки были тяжёлыми, с большой пряжкой. Соня называла их частью роли, но на снимке видно, что мерила дома и сама себе нравилась.

«Мне нравятся. Ты в них можешь двигаться на сцене?»

«Да. Я уже пробовала».

«Тогда хороший вариант».

Через минуту она прислала другое фото: в полный рост, лицо наполовину закрыто телефоном.

«Не отправляй бабушке. Она скажет, что каблук».

Он ответил, что не отправит.

Денис сел рядом, тяжело выдохнув.

— Дочь?

— Да.

— По глазам видно. У тебя перестаёт быть лицо графика.

Андрей посмотрел на него.

— У меня обычно лицо графика?

— После восьми часов работы — да. Только график недоволен, что в нём люди.

Они посмеялись. Андрей убрал телефон.

Денис ушёл за кофе. В зале заиграла новая песня. Андрей не знал названия, но вспомнил, как в юности мог долго слушать музыку без задачи — не для подходов, не для соревнований, не фоном за рулём. Ему неожиданно захотелось сно-

ва иметь что-то, в чём он не обязан быть полезным.

После душа достал из сумки чистую футболку. На груди был старый след краски. Соня когда-то красила рядом картонный домик и задела его рукав кистью. Футболку оставил для дома, сегодня взял случайно.

Он надел её. До клиента было двенадцать минут. У фитнес-бара Денис уже поставил два стакана. Андрей сел, не открывая планшет.

— Как самочувствие? — спросил коллега.

— Хорошо.

— Не рабочее. Твоё.

Андрей подумал.

— Тоже хорошо. Только непривычно говорить.

Денис кивнул и отпил кофе. Больше не спрашивал.

Глава 12. В кадре

В понедельник в новой студии не было света в туалете, зато уже работала подсветка логотипа.

— Приоритеты, — сказала Даша.

Она стояла на стремянке и держала над головой край белого полотна. Под полотном скрывался участок стены, где штукатурка отличалась от остальной по цвету и, кажется, по строительным убеждениям.

Лена поставила сумку на пол.

— Ты говорила, фотографа найдёшь.

— Нашла. Меня он назначил стеной.

Фотограф, худой мужчина в шерстяной шапке, хотя в помещении было жарко, вышел из-за стойки света.

— Ещё сантиметров десять вправо.

— Стена не двигается вправо, — сказала Даша. — Стена падает.

Лена взяла свободный край. Вдвоём они закрепили полотно за трубу. На трубе висела бирка с номером, которую фотограф попросил не снимать: потом пригодится, если что-нибудь потечёт.

До съёмки оставалось двадцать минут. Лена приехала посмотреть помещение и выбрать ракурсы для первого экрана сайта. В договоре это называлось авторским сопровождением; дома Миша назвал её работу «смотреть, чтобы не было

некрасиво» и немедленно предложил сопровождать школьную столовую.

У дальней стены двое рабочих собирали шкафчики. Один читал инструкцию, другой внимательно слушал голосовое сообщение жены. По очереди они сообщали друг другу: «Так не должно быть».

Роман появился с коробкой круассанов. За ним шли две молодые женщины с одинаковыми пакетами спортивного магазина.

— Наши героини, — объявил он. — Марина и Оля. Будут изображать занятие.

Лена поздоровалась. Оля сразу спросила, где переодеться.

Роман оглядел зал, словно рассчитывал, что раздевалка возникнет из вежливости.

— Пока в кабинете. Даша, проводишь?

Даша спустилась со стремянки.

— Конечно. Кабинет уже хотя бы дверь имеет?

— Имеет, — сказал Роман. — Просто ещё не установлена.

Оля засмеялась. Марина не засмеялась: посмотрела на фотографа, потом на рабочих.

— Нам нужен закрытый угол.

Лена указала на нишу за белым полотном.

— Здесь можно загородить. Я подержу, пока переодеваетесь.

Роман начал говорить, что рабочие сейчас выйдут, но Даша уже взяла второй кусок ткани.

Пока девушки переодевались, Лена проверила фотографии помещения на ноутбуке. Свет из окон был хорошим. В широком кадре появлялись два незаконченных шкафа и огнетушитель в транспортировочном пакете. В узком студия выглядела готовой.

— Вот этот берём, — сказал Роман за её спиной. — Сразу видно уровень.

— Для первого экрана подойдёт. Но дату открытия ставим после подтверждения.

— В пятницу откроемся.

Рабочий с инструкцией поднял голову.

Роман сделал вид, что не заметил.

Съёмка началась с ковриков. Тренер студии опаздывала; фотограф предложил девушкам наклониться и улыбнуться.

— Обе одновременно. Отлично. Ещё ниже.

Марина выпрямилась.

— У меня спина после вчерашней смены не очень. Давайте другое.

— Вы же модель?

— Я администратор салона. Нам сказали, обычная съёмка.

Фотограф убрал камеру от лица.

— Я не заставляю. Просто наклон нужен для композиции.

Лена посмотрела на изображение на мониторе. У девушек были одинаковые улыбки и разные способы дотянуться до пола. По этому снимку она не смогла бы сказать, где прохо-

дит занятие, что на нём делают и зачем туда идти. Только то, что две женщины умеют терпеливо держать чужую идею.

— Давайте их пока посадим, — сказала она. — Ждём тренера. Можно снять разговор и подготовку.

— Нам динамика нужна, — ответил Роман.

— Она будет. Когда появится человек, который объяснит движение.

Даша взглянула на часы.

— Я ей позвоню.

Тренер приехала через двенадцать минут, в пальто поверх спортивной формы. Представилась Верой, извинилась и сразу подошла к Марине.

— Что со спиной?

Они о чём-то тихо поговорили. Вера переставила коврики и предложила начать с простого упражнения стоя. Фотограф переставил свет. Никто не потерял динамику; рабочий на заднем плане даже успел ударить себя дверцей по колену.

К полудню было достаточно материала. Девушки сидели на полу и ели круассаны из салфеток. Вера проверяла расписание. Даша пыталась найти розетку, которая действительно заряжает телефон.

Роман сел рядом с Леной.

— Смотрите. Я подумал про страницу. Можно сделать блок «История Марины». Очень хорошо в кадре выглядит. Написать, что боялась начать и наконец решилась.

Лена не сразу ответила. На открытой фотографии Мари-

на смеялась, потому что Оля стряхнула с легинсов сахарную пудру на собственный коврик.

— Это её история?

— В общем смысле. Это история нашей аудитории.

— Тогда так и напишем: кому подходит студия. Без имени и фотографии конкретного человека.

Роман покрутил крышку кофейного стакана.

— Даша говорила, вы не усложняете.

Подруга остановилась у розетки.

Лена посмотрела на неё. Даша ждала. Не спасала разговор, не подсказывала ответ. И от этого отвечать стало труднее: нельзя было переложить свой отказ на человека, который умеет отказывать лучше.

— Я могу сделать блок с ответами Веры. Или интервью с Мариной, если она хочет рассказать о себе. Придумать ей биографию не могу.

— Мы же не про биографию. Просто нормальный рекламный текст.

— Тогда он может быть про занятия.

Роман встал.

— Ладно. Пришлите варианты. Максим посмотрит.

Он унёс коробку круассанов, хотя в ней ещё оставались два. Лена почувствовала внезапный голод.

Марина подошла, держа свою обычную кофту.

— Можно фотографии потом получить? Не все. Одну-две.

— Спрошу фотографа.

— Я маме покажу. Она не верит, что я согласилась.

Лена кивнула. Ей вдруг стало особенно неприятно, что чужую маму и чужой смех можно было почти незаметно заменить историей, написанной за десять минут.

Даша проводила девушек до двери. Вернувшись, села на освободившийся коврик.

— У тебя сейчас лицо, будто ты отменила людям свадьбу.

— Ты сказала, что я не усложняю?

— Я сказала, что с тобой можно нормально работать. Он перевёл на свой язык.

— Он злится.

— Возможно.

— А тебе с ним дальше.

Даша стянула резинку с волос и снова собрала хвост.

— Лен, мне с ним дальше в любом случае. Если ты сейчас согласишься, я ещё и выдуманную Марину согласовывать буду.

В другом конце зала рабочие наконец поставили шкаф вертикально. Он немного качался. Оба смотрели на него с чувством, которое Лена слишком хорошо понимала.

На улице она позвонила матери и узнала, что Миша уже поел, но забыл дома тетрадь по английскому. Затем заказала такси: до встречи с Павлом оставалось сорок минут. В машине открыла снимки и заметила собственное отражение в стекле студии. Она стояла с поднятыми руками, держала

ткань и смотрела куда-то за пределы кадра.

Лена сохранила фотографию отдельно.

Вечером Аня прислала в их маленький чат снимок салфетки на холодильнике Светы. Под рисунком кухни появился магнит в форме огромного помидора.

«Автор, одобряем?»

Лена написала: «Помидор нарушает масштаб».

Света ответила: «Зато закрывает пятно».

Лена смеялась, когда пришло сообщение Андрея.

«Добрый вечер. Вы говорили, что работаете с сайтами. Можно спросить ваше мнение о коротком описании программы? Именно мнение. Если нужна редактура, отдельно обсудим работу».

Она положила телефон на стол. Вернулась к нему через минуту.

«Присылайте. Но счастливые мешки я сегодня уже закончила».

«У нас только люди. Счастье в комплект не включено».

Лена открыла документ. Шесть занятий, четыре недели, небольшая группа. Внизу стояло: «Программу ведёт Андрей Ковалёв».

Она прочитала текст дважды. Потом написала:

«Нужно добавить, что происходит, если человек пропускает занятие. Всё остальное понятно».

И, прежде чем успела передумать:

«А кофе после смены тоже по понятным условиям?»

Ответ не приходил четыре минуты. За это время Лена проверила уроки, открыла холодильник и успела решить, что смысл сообщения можно при необходимости объяснить шуткой.

«В среду заканчиваю в восемь. Могу в половине девятого. Если вы предлагаете встретиться».

Она села на край кухонного стула.

«Предлагаю».

Миша принёс тетрадь.

— Ты почему улыбаешься?

— Мне написали.

— Кто?

Лена посмотрела на сына. Очень хотелось спрятать телефон, хотя он не пытался в него заглянуть.

— Знакомый.

— А. Проверь шестое. Я там не понял, где автобус едет.

В шестом упражнении автобус ехал к библиотеке. Это было обозначено стрелкой. Лена несколько секунд смотрела на неё, радуясь задаче, в которой направление можно было установить наверняка.

Глава 13. Один свободный стул

В среду Андрей взял на работу другую рубашку и весь день чувствовал её присутствие в сумке.

Рубашка не требовала решений. Решения требовал человек, который её положил. Можно было встретиться в привычной толстовке, и это выглядело бы естественно. Можно было переодеться, и тогда самому себе пришлось бы признать, что встреча отличается от остальных.

Денис увидел воротник, когда Андрей доставал контейнер.

— Собрание собственников?

— Нет.

— Тогда поздравляю.

— С чем?

— С отсутствием собрания собственников. Всегда приятная новость.

Он закрыл шкафчик, не дожидаясь продолжения. Андрей был ему благодарен.

На первую группу записались трое. Ирина рассчитывала на шестерых и показывала ему список так, будто недостающих людей нужно было найти среди фамилий.

— Запускаем с тремя, — сказал Андрей.

— Оплата у тебя за группу. Понимаешь?

Он понимал. Сумма за занятие делилась на те же часы

подготовки, независимо от того, сколько людей пришло.

— Понимаю.

— Я могу поставить ещё одну рассылку. Только ответить надо быстро. Вчера две заявки висели по полдня.

— Я вёл занятия.

— Значит, администратор отвечает по твоей инструкции. Давай её напишем.

Это было разумно. Андрей сел. Они составили ответы про оплату, пропуска и начало курса. На вопрос «сколько я сброшу?» Ирина предложила написать «результат зависит от индивидуальных особенностей».

— Это человек прочитает как обещание, только без числа, — сказал он.

— А ты что предлагаешь?

Он подумал.

— «Эта программа учит заниматься. Изменение веса за месяц мы не гарантируем».

Ирина напечатала. Прочла вслух и скривилась.

— Звучит сурово.

— Добавим, что именно будем делать.

Она вернулась к началу сообщения. Через пятнадцать минут у администратора была инструкция, а у Андрея — пять минут на еду вместо двадцати.

Лена написала в шесть: «Всё в силе. Возможно, опоздаю минут на десять».

Он ответил: «Хорошо. Столик забронировал на половину

девятого».

После отправки решил, что слово «забронировал» могло прозвучать слишком серьёзно. Кафе было маленьким. По средам там проводили викторину, и без брони они могли бы провести вечер между барной стойкой и входной дверью. Но объяснять это сейчас означало бы добавить к одному простому действию ещё три неловких предложения.

В восемь позвонила Соня.

Последний клиент ещё собирал вещи. Андрей показал на телефон, извинился и отошёл к окну.

— Привет.

— Привет. Ты можешь поговорить?

— Да.

— Не про билет.

— Хорошо.

Она молчала. Он слышал глухой шум, будто она шла вдоль дороги, прикрыв микрофон ладонью.

— Мы сегодня пробовали финал, — сказала Соня. — Я забыла текст.

Андрей посмотрел на часы над стойкой.

— Это репетиция. Для этого и...

— Я знаю, для чего репетиции.

Он остановился.

— Извини. Рассказывай.

Лиза должна была произнести монолог, пока остальные стояли у двери. Соня сбилась после второй фразы. Режиссёр

попросила начать сначала. Она начала и забыла уже первую. Кто-то сзади тихо засмеялся; Соня не знала кто и от этого подозревала всех сразу.

— Потом сказала, что у меня голова болит. Теперь они думают, что я ещё и обиделась.

— А голова болела?

— Теперь болит.

Андрей прислонился к подоконнику. Клиент помахал на прощание. Он помахал в ответ.

— Ты сейчас домой идёшь?

— Сажу на остановке.

— На своей?

— Нет. Проехала. Не хотела сразу домой.

Он хотел спросить, далеко ли, хватает ли денег, знает ли мама. Вопросы стояли готовыми, как оборудование, которое можно быстро выставить вместо разговора.

— Хочешь, просто посижу с тобой на телефоне?

Соня выдохнула.

— Можно.

Он снял куртку с руки и положил на подоконник.

В восемь двадцать две написал Лене: «Разговариваю с дочерью. Задержусь. Пока не знаю на сколько. Простите».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.